

ВРАГ У ВОРОТ

ФАНТАСТИКА

БЛИЖНЕГО

БОЯ

Сергей Анисимов

**«АБРАМСЫ»
В ХИМКАХ**

КНИГА ТРЕТЬЯ

**Гнев
терпеливого
человека**

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А67

Иллюстрация на обложке *Александра Соловьева*

Анисимов, Сергей Владимирович.

А67 «Абрамсы» в Химках. Книга третья. Гнев терпеливого человека / Сергей Анисимов. — Москва : Эксмо, 2017. — 544 с. — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя).

ISBN 978-5-699-97003-2

На территорию России неожиданно вторгаются оккупанты, называющие себя миротворцами. Это блок НАТО! Правила игры диктуют американцы, утверждающие, что в России нет демократии и свободы личности и что они прибыли, чтобы защитить угнетаемый русский народ. Им удастся разрушить наше государство, но по всей земле бывшей России начнется жесточайшая партизанская война русского народа с агрессором...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97003-2

© Анисимов С.В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

Бойся гнева терпеливого человека.

Джон Драйден (1631–1700)

— Ты знаешь, мне так больно от того, что по-дурачки я прожил жизнь... Столько лет прожил — а годами жил бесцельно, ни для чего. Работал... Это нельзя назвать работой. За зарплату, да, верно — я семью кормил. Даже за хорошую зарплату. Но от меня никому, кроме хозяев фирмы, не было никакой пользы, вообще никакой. От этого не росли заводы, не... Я не знаю... не колосились гуще поля, не летели быстрее ракеты в космос... По-детски сейчас говорю, да? Помнишь, как нас учили этому всему в детстве? Что быть геологом хорошо, а официантом плохо. И даже не плохо — стыдно... А я ведь не официантом даже работал, не халдеем. Хуже. Нельзя было так деньги зарабатывать, как я... Пусть беднее бы жил, все равно... И все остальное тоже. Сколько я пил, сколько гулял, сколько времени и денег выкинул на ерунду? Мог бы заниматься спортом, мог бы готовиться, мог бы семье дом построить в глуши, подвалы запасами набить, оружием запастись... Знаешь, как в фильмах про зомби? Сейчас бы и за семью был спокоен, и сам бы... А не как сейчас...

— Ты закончил? Выговорился?.. — Второй из лежащих мужчин прижал ладонь ко рту и переждал приступ кашля, мучительно изгибаясь всем телом. — Тогда я тоже скажу. У меня же похожая жизнь была, ты в курсе. Не просто так мы подружились, в таком-то возрасте... И бухал я, и гулял, и развлекался. И знаешь, в отличие от тебя — не жалею ни капельки! Как было здорово с семьей или друзьями нажарить шашлыков да залить в себя чего-нибудь вкусного! Чтобы в голове легко, на душе легко, и воскресенье завтра! Рыбалка! Утром, знаешь, когда туман над водой? Бабы, опять

же! Да, а что? Знаешь, какая эта большая часть моей жизни? Лучшая, пожалуй! Мм, какие у меня бабы были... Сладкие, как... Кондитерские фабрики таких не готовят... И что, променять все это на запас консервов и крупы? Да щас! Не пил бы я, не ел, не отдыхал — только качался бы, и как Шварценеггер был бы сейчас. И что? Пошел бы всех там голыми руками разбросал, победил бы?

— Я не то имел в виду.

— Да то, то. Я уж тебя наслушался, слава богу, за столько дней. Так и ты послушай для разнообразия, ладно? Потому что времени мало уже. Я таких, как ты, навиделся. И тех, кто на словах, и тех, кто на самом деле что-то делать пытался. Кто справедливости для всех добиваться, кто еще чего. А толку? Только свою жизнь в ерунду превратили. А мне вот зато есть что вспомнить. И не жалко... Вот поверь, совсем не жалко теперь ни времени, ни денег. Вот сейчас нас не станет, а у меня тепло на душе: как я пожил здорово! Теперь так ни у кого не получится. И пожил хорошо, и уйду хорошо.

— Да, вот тут мне не возразить. Тут крыть нечем. Но про себя-то я... Извини, но да, я опять про себя и про своих думаю сейчас. Было бы странно иначе... Я все равно думаю, что я прав. Пусть не изменил бы ничего, не добился бы ничего большого, но мне легче было бы, а?.. Только вот сегодняшним днем чуть искуплю свои грешки... Не крупные, но много, очень уж много. За годы накопились. Как ты думаешь, хватит мне этого?

— Шутишь? Смеешься, да? Лично мне все равно. Я и не верил никогда, и не поверю никогда уже. Даже под тем обстрелом, если помнишь его, я в бога не поверил, хотя аж обоссался тогда... Ерунда это. В себя надо верить, в свои силы. В удачу, если с силами плохо. А если надежды нет, то можно и не верить, просто делать дело. Вот как сейчас... Ты что? Ты что, земляк, плачешь?

— Нет... Это так... Сейчас пройдет...

— Не плачь, все нормально. Не бойся.

— Я не боюсь. Старый уже, чтобы бояться.

— Не старый, зрелый.

— Старый. И толстый. И усталый. И за детей страшно: что у них впереди, какое будущее? А делать надо, сами же вызвались...

— Еще как надо. Ты готов?

— Давно готов... Это напоследок вот пробрало... Это случайно... Прошло уже. Извини...

— Не извиняйся. Прости меня, если что.

— И ты меня прости... Господи... *Отче наш, иже еси на небеси... Да святится имя Твое... Да придет царствие Твое...*

Второй номер расчета отвел глаза: черные, злые. Пустые. Вера никогда его не интересовала, молящиеся люди всегда вызывали у него или презрение, или по крайней мере снисходительность. Старушки — спокойную, молодые — раздраженную... Он усмехнулся. Каждый сам для себя решает, как ему легче и лучше жить и умирать. Лично у него все было нормально: и прожил на зависть многим, и умрет так, что не жалко жизни. Поквитавшись с хорошим запасом и за себя, и за родных. За тех, кто стар, да за тех, кто молод. В сорок пять с лишним мужчине умирать почти не страшно, если...

А этому вот больше обидно, чем страшно. Этот правильный мужик, что бы он сам о себе ни думал. Раз здесь, значит, правильный.

Он покосился вбок и бесшумно вздохнул. По-разному бывает. Можно признаться, что ему самому все же не по себе, — как ни пыжься, как ни уговаривай свой разум. «Почти не страшно» — это чтоб себя ободрить. Это позволяет примириться с тем, что сейчас будет.

— Идут.

— Где?

— Тихо. Тихо, я сказал. Не высовывайся! Голову пригни, блин!

— Угу. Вижу.

— Во гады... Хороши, а?

— Эх...

Колонна действительно производила глубокое впечатление. И вырвавшееся слово «хороши» было верным. Не подходящим квасному патриоту, каким он, впрочем, никогда не был. И верным. В голове второго мелькнула смазан-

ная, смутная ассоциация из фильма «Чапаев», про «красиво идут». Сколько лет назад сняли этот фильм, почти сто? Сколько лет назад он его в последний раз видел?

— Чего скалишься? — спросил первый номер расчета.

— Угадай.

Невежливо, зато весело. Первый из мужчин дважды вжал клавишу связного устройства, давая оговоренный сигнал. Время пошло. Маршрут колонны проверяли вражеские беспилотники, причем видно их не было, только слышно. Неделию назад оба предположили бы, что это могут быть легкие вертолеты на большой высоте. Но наблюдение они вели не первый день, и в прошлые разы своими глазами разглядели то, что жужжало теперь в невесомой пелене мороси над головой. Беспилотники, причем не вооруженные. Две штуки. Невидимые пропеллеры легко несли их в сотне метров над глухо ревущей колонной, руки операторов на джойстиках разворачивали их влево и вправо, позволяя внимательно оглядеть все пространство вокруг. Где находились сами операторы, можно было только гадать. Очень возможно, что за сотни и даже тысячи километров отсюда, в комфортабельных помещениях, в удобных креслах. С кружечками кофе в руках. Двое доживающих последние минуты своей жизни мужчин лежали в это время уткнувшись в землю, превратившуюся в грязь и оказавшуюся поверх не спасающих от холода тряпок. Им было очень обидно..

— Ну?

— Еще чуть...

Они уже практически перестали дышать. Головной дозор в колонне состоял из нескольких вездесущих «Хамви» и одной колесной бронемашины незнакомого обоим типа. Эти то шли на большой скорости, то замедлялись, давая время основной группе сократить дистанцию. Как обычно, колонна была смешанная: тентованные грузовики, автоцистерны, разнотипные единицы бронированных боевых машин, сконцентрированные в голове и хвосте колонны. В этот раз — дополнительно несколько тяжелых автоплатформ, перевозящих тяжелые танки. Самая драгоценная цель, окупающая их жизни с лихвой. И при этом цель редкая: танков у натовцев довольно мало. На поле боя танк противника — это

то, что очень многие солдаты видят в самые последние моменты своей жизни. Поэтому возможность нанести точный удар по «неактивным» танкам была просто драгоценной.

— Давай! — хриплым, сорванным шепотом выкрикнул первый номер, следящий за секундной стрелкой на потертых наручных часах.

Второй, зачем-то крепко зажмурившись, изо всех сил вжал в железо тугую скобу. В набитом электроникой тяжелом коробе что-то глухо загудело — будто раскручивался небольшой, но тяжелый маховик. Затем в нем что-то по-детски, по-мультиашному пискнуло, и тут же все светодиоды на простой верхней панели прибора разом погасли. Одновременно тут и там по ходу колонны завизжали тормоза, раздался знакомый всем взрослым звук — какой бывает, когда сталкиваются два автомобиля. Через несколько мгновений глухо, не сильно ухнуло: приподнявшие головы напарники успели засечь, как разваливается свалившийся на землю «кверху лапами» беспилотник-разведчик: белый, похожий на дорожную игрушку.

— Бх... — Второй уже отщелкнул сошки и с натугой приподнял на них тяжелую коробку лазерной системы. Хиликом он не был, но «жим лежа на боку» дался ему с напряжением: лицо за мгновение покраснело сверху донизу. Со всхлипом втянув воздух, он прожал клавишу включения, пробежал по тумблерам выставленной на сошки системы пальцами и тут же припал взглядом к визиру, выцеливая одну из автоплатформ в центре колонны.

— Луч пошел... — хрипло прокомментировал его напарник, успевший нацепить очки. — Дистанция расчетная или чуть больше... До приоритета — примерно 450...

— Сам вижу, — сразу же ответил товарищ. — Сработало, да?

Оба смотрели на колонну во все глаза. Часть машин встала, по крайней мере две столкнулись: то ли засоней был водитель задней из них, то ли еще что. Взвыли несколько клаксонов. Несколько солдат из состава экипажей боевых машин охранения спешили, рассыпались по обеим сторонам дороги и теперь грамотно вертели головами во все стороны.

Было только вопросом времени, как скоро кто-то с хорошей оптикой увидит двух наводчиков. Электромагнитный импульс в одно мгновение выжиг половину электроники в радиусе нескольких сотен метров, остановил контролируемые компьютерами двигатели, временно вывел из строя часть систем наблюдения. Даже в легковом автомобиле сейчас по нескольку компьютеров, чего уж говорить о специальных машинах военного назначения!

Наводчиков предупреждали, что эффективность системы далека от стопроцентной: даже находящиеся под током приборы горят не все, а блокировки могут быть самые разные. Но авионика беспилотников и электроника систем радиоэлектронной борьбы были более уязвимы, чем все остальное.

— Пора.

Моргнув двумя глазами сразу и машинально приоткрыв рот, второй номер их расчета перещелкнул тугой тумблер и резким движением кисти прокрутил на несколько оборотов миниатюрную рукоять. Механизм подрывной машинки взвыл и утих. Ей лет сорок минимум, ее сделали еще до бума электроники. На электромагнитные импульсы ей наплевать.

— Рви.

Две кнопки одновременно, до хруста. Управляемый фугас на обочине в районе головы колонны взорвался даже не с грохотом — с ревом. Вложенный в косую бетонную яму заряд наискосок провел по колонне потоком щебня. Совершенно обычного, гранитного, какой используют в строительных работах. Четвертькилограммовые пирамидки и кубики с острыми и тупыми гранями не могли пробить даже сантиметр брони — но по открытой пехоте, по небронированным машинам они сработали так, как не могут стандартные шарики и ролики «МОНОк»¹. Первый номер не отвел взгляда от цели ни на мгновение. Хотя от передавшегося с земли в тело удара рот наполнился кислым металлическим вкусом, направляемый его руками луч вильнул лишь

---

¹ Отечественное семейство противопехотных осколочных управляемых мин направленного поражения. — *Здесь и далее примечания автора.*

немного и тут же вернулся на место. Вопли и вой на дороге были почти не слышны — уши будто забило ватой. Столб дыма и пыли скрыл почти четверть длины колонны, но автотрассы было все еще отлично видно. Несколько одиночных выстрелов и коротких очередей: неприцельных, не по ним, просто в воздух и в стороны. Спаренный выстрел автоматической пушки, и тут же еще один, из другого места. В норме малокалиберные пушки били звонко — так, что отдавалось в зубах. Сейчас все было глухим.

— Держи, держи.

Расползающиеся клоки дыма и пыли начали закрывать колонну. Сколько у них еще времени? Успеет ли подходящая ракета? Оба мужчины не были военными, они понятия не имели, как все будет. Вызывали добровольцев, и потом еще переспрашивали: понимают ли они, что это почти точно маршрут в один конец? Когда оба подтвердили, инструктажи, тем не менее, не касались лишних деталей. Классический «черный ящик», только не из одного, а из четырех компонентов, применяемых последовательно. Дальняя связь, электронная бомба, лазерная система наведения, которую называли «подсветчик»... И фугас с нетрадиционными «готовыми поражающими элементами». В чем был его смысл, можно было догадаться даже представителям мирных профессий. Меньше риск обнаружения инструментальными средствами, по сравнению с минами, оснащенными «заводскими» пакетами этих самых поражающих элементов. Или даже кустарными, сделанными из нарубленного на короткие фрагменты стального прутка либо используемых в бетонных работах арматурин. Верно? А вот в чем смысл того, что фугас следовало подорвать уже после включения «подсветчика», можно было только гадать. Однако про такую последовательность на инструктаже повторили тридцать три раза, значит, именно так и требовалось действовать.

Глухое, короткое мяуканье в воздухе. Первая из пуль прошла в десятке сантиметров и тут же со стуком вбилась в спрессованную землю где-то позади.

— Все... Заметили.

К моменту, когда второй номер расчета это произнес, по ним били уже с нескольких стволов. Очки показывали,

что луч твердо держится на центральной в колонне автоплатформе. С угловатой громадой «Абрамса» в нише, сформированной изломами могучих стальных ферм. Наверняка в штабных машинах есть десятки приборов, улавливающих лазерные лучи от дальномеров и подсветчиков даже автоматически. Выдающих направление и дистанцию до источника тем, кто смотрит. Секунда-другая, и...

Прямо вокруг них ухнули разрывы от первой пристрелочной очереди той же автоматической пушки. Снаряды легли в основном спереди — и половина осколков, казалось, пошла прямо в лицо. Машина была по ним с места, чтобы не потерять захват: дистанция была весьма умеренной и гарантировала поражение «открытой пехоты» за считанные секунды. Так и случилось, но именно за эти секунды хищные туши русских сверхзвуковых ракет прошли остающиеся километры до являющегося их целью пятка земли. Окутанного сейчас дымом и пронизанного идущими в одну точку трассами.

Головка наведения лидирующей ракеты в серии давно «видела» точку, в которую столько долгих мгновений упирался мощный лазерный луч: дым и пыль после подрыва не могли скрыть его полностью. Даже выпущенная с максимальной дистанции, вся серия «Гермесов» весьма точно вышла в район цели: собственная инерциальная система наведения была современной и эффективной. Колонну эти ракеты могли накрыть и сами, но полученные на подходе данные подсветки цели с земли сделали удар безошибочным даже после гибели наводчиков и отключения луча.

На подсвеченный, до сих пор сияющий ярким теплым пятном танк на трейлере навелось сразу три ракеты, на остальные — по одной или по две. Одна из ракет серии выбрала не тяжелую автоплатформу с танком, а бронированную боевую машину, другая сдуру предпочла грузовик. Распределение целей длилось несколько сотых долей секунды.

У колонны не имелось собственных средств ПВО и даже просто систем обнаружения воздушных целей. Дистанция до красной зоны считалась слишком большой, а дотягивающиеся сюда «Искандеры» не могли эффективно поражать мобильные цели и были слишком дороги. У тяжелых много-

осных автоплатформ, часть которых до сих пор не сумела завести двигатели, не было ни малейшего шанса избежать попаданий. Ракеты серии легли на колонну почти одновременно, все двенадцать. Полет скоростных «Гермесов» почти невозможно уловить глазом: для оставшихся в живых свидетелей удара произошедшее стало полностью неожиданным. Боевая часть каждой управляемой ракеты весила 28 килограммов, почти две трети этого веса приходилось на взрывчатку. Ни в одном случае динамическая защита и собственно бронирование «Абрамсов» и единственного пораженного «Брэдли» не смогли отразить удар. Вторичные детонации были мгновенными.

Обстоятельства гибели обоих наводчиков остались неизвестными навсегда. Их звали Иван Амосов и Артем Светличный. Менеджер по развитию бизнеса и менеджер по продажам финансовых услуг, соответственно. Один в розничной сети «Магнит», другой в «Хоум Кредит энд Финанс Банк». Оба бывшие менеджеры. Оба пошедшие в бой, когда слово «надо» вытеснило в мыслях каждого все остальные слова. Не самые молодые, далеко не самые подготовленные, вовсе не самые храбрые. Не первые и последние погибшие в этой войне солдаты России.

Не первые и не последние, забравшие с собой врагов.

Среда, 17 апреля

— Просыпайтесь, засони.

Тычок был крепкий. Не сказать чтобы особо деликатный или даже просто дружеский. Антон ткнулся лицом в тряпки и недовольно замычал. Мышцы продолжали болеть, как после полумарафона. Было у него такое в молодости, когда испытать себя казалось любопытным. Когда можно было бегать на такие дистанции ради удовольствия и ради призрачного шанса выиграть предназначенный победителю приз. Телевизор — самому быстрому и самому выносливому. Угу... Слово «победитель» уже изменило свое значение. Точнее, это значение вернулось к исходному.

— Давайте, давайте, время идет.

— Да встаю я... Ох...

В голове было отупение, а болело все. Вот даже странно, человек же бежит ногами, а не грудью и шеей. А те тоже болели. Причем плохо, с надрывом, а не как бывает, когда мышечная боль в удовольствии.

Рядом тоже бурчали, покашливали и похрипывали. Когда говорят, что на войне не болеют, — это чушь. На войне болеют непрерывно. Только на ногах. Никто в постель не принесет чай с малиной и медом, когда у тебя температура тридцать восемь, и невозможно слюну сглотнуть, и ломает от нытья в спине и костях. Терпи. Жди, когда полегчает. Жри те из лекарств, что можно найти, когда кругом война.

— Очнулись, товарищ кап-лейтенант?

— Вроде бы... Эй там! Как вы, бойцы?

Роман молча кивнул: лицо у него было помятым, по правой щеке наискосок шла глубокая борозда — что-то он не особо мягкое с вечера положил под голову. Второй из курсантов смотрел туповато; дыхание у него было клокочущим, будто он хотел отхаркаться, но не решался при людях.

Разбудивший их солдат терпеливо ждал, не говоря больше ничего. Лицо было знакомым — из вчерашних. Из первых, кого они встретили.

Быстрый туалет, быстрое умывание полулитром воды в стеклянной банке. Вода была не ледяная, а чуть-чуть подогретая — уже хорошо. Зеркальце в импровизированной «ванной комнате» имелось, и Антон, поколебавшись, потратил треть воды на бритье: картридж в станке еще держался и бритва в нем не отупела окончательно. Где взять следующий, на смену, он не имел понятия, но вариантом было «там же, где и этот». Найти в вещах убитого врага. Патологической брезгливостью он не отличался — облил одеколоном, и можно пользоваться. Это было две недели назад, и с тех пор маленькая вещь стала окончательно своей.

— Ну, скоро вы?

— Ждет кто-то?

— Завтрак.

— У-у! — восхитился Антон. — Это здорово. Это редкость...

В голове у него возникла картина из довоенного времени: когда в воскресенье, постав часов до полдесятого, можно было сделать себе яичницу на три яйца поверх пары ломтей поджаренной колбасы. И тост с чем-нибудь. Сыром или паштетом.

Его одолевал нервный смех, а вид местного завтрака заставил засмеяться совсем уже почти вслух. Сдержался он с трудом, отлично понимая, как некрасиво его не понятные никому спазмы-всхлипы будут выглядеть со стороны. Ничего, прошло. В прошлые разы проходило, и в этот прошло. Еще можно было держаться.

Тарелок не было, были пластиковые миски: салатово-зеленые или синие. Ему досталась синяя, и Антон подумал, что это даже символично: он все-таки моряк. Разведенная на кипятке, несладкая овсяная каша с кусочками чего-то фруктового — то ли яблок, то ли груш. Вкуса он почти не чувствовал, просто запихивал в себя ложку за ложкой. Ребята точно так же заправлялись, сидя рядом. Молча, сосредоточенно.

Напротив стукнуло: рядовой поставил на козлы кружки с чаем. Вот от чая пахло хорошо — ароматно. Пусть даже один пакетик на всех, все равно неплохо.

— Спасибо.

— На здоровье. Оголодали, товарищ капитан-лейтенант?

— Есть немного... Даже просто по горячему соскучились. Желудки как у котят стали, наверное. Скукоженные, и мячат непрерывно, сухарь просят... Каша — это то, что надо. Так что спасибо еще раз.

— Здесь ничего с едой, — кивнул боец. — Не омары с рябчиками, ясное дело, но ничего. Пока ничего. Допивайте быстренько, и пойдём. Хорошо?

Капитан-лейтенант согласно кивнул, уже отодвигая опустевшую миску и беря в ладонь кружку с горячим чаем. Кружка покоцанная, но самая классическая — из эмалированного металла, с изображением красной грозди рябины на белом. Чай был горячим и немного сладким, и в голове сразу зашумело. Сразу захотелось прилечь и еще поспать. Понятно, что баловство, но помечтать об этом даже секунду было очень приятно.